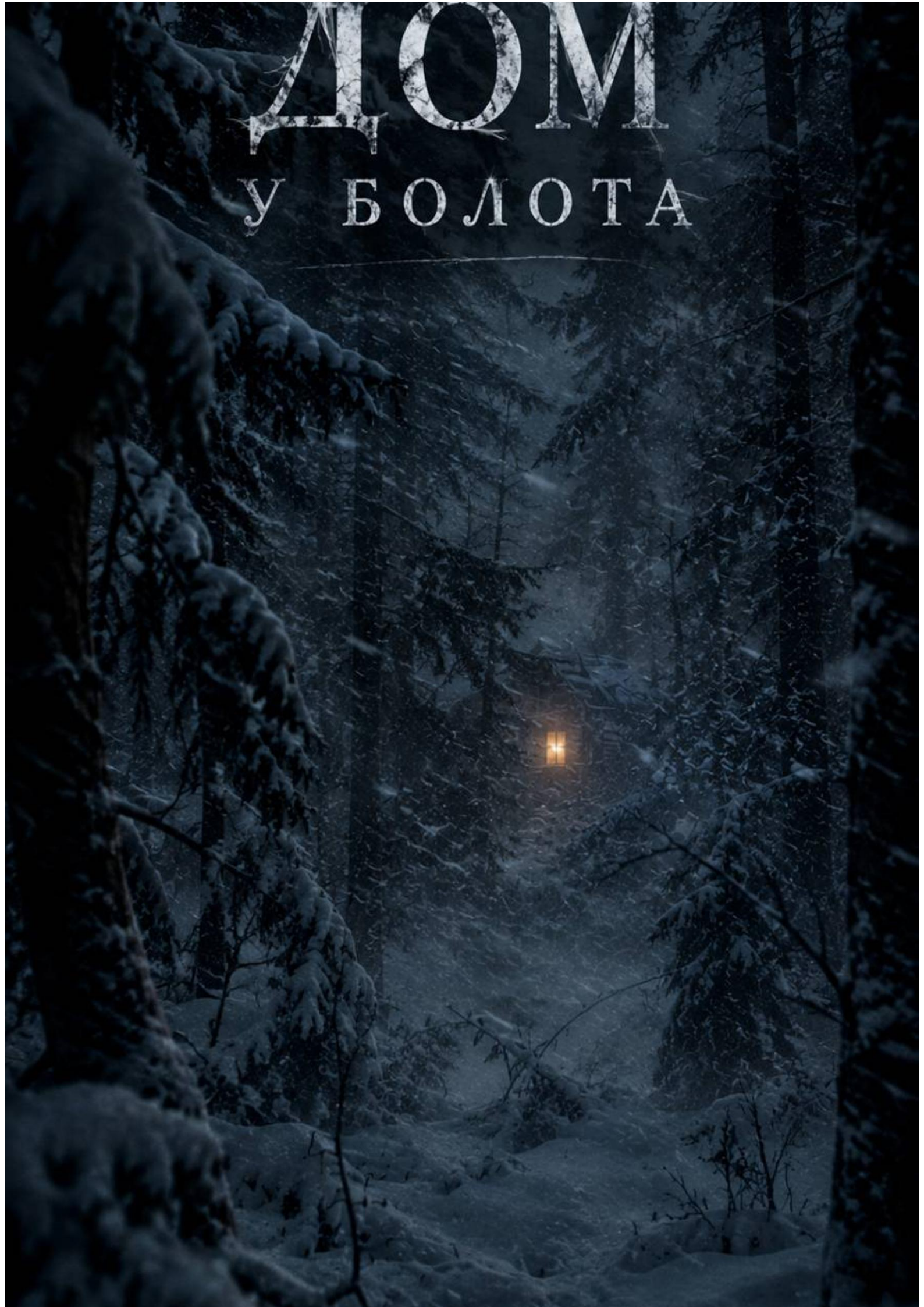

ДОМ
У БОЛОТА

Земиэль Тенев

Дом у Болота

«Автор»
2026

Тенев З.

Дом у Болота / З. Тенев — «Автор», 2026

Иногда самые удивительные события происходят там, где их совсем не ждёшь. Обычная поездка в деревню, знакомые с детства места и зимняя прогулка, которая должна была закончиться задолго до наступления темнотыНо порой достаточно одного неверного шага, чтобы привычный мир остался далеко позади. А среди заснеженного леса может обнаружиться нечто, чему трудно найти объяснение.Это история о зимней метели, одиноком доме среди деревьев и встрече, которая оставит после себя больше вопросов, чем ответов.Ведь не всякий огонёк в темноте указывает дорогу домой.

© Тенев З., 2026
© Автор, 2026

Земиэль Тенев
Дом у Болота

Дом у болота

Глава первая. Дорога

Поезд прибыл на станцию около половины одиннадцатого утра.

Максим сошёл на заснеженную платформу, поправил лямку рюкзака и огляделся. Небольшая станция почти не изменилась за последние годы. Та же низкая постройка с потемневшей крышей, те же деревянные скамейки под навесом, тот же старый фонарь у края платформы. Только краска на стенах облупилась сильнее, да вывеска с названием станции совсем выцвела.

Последние пассажиры быстро разошлись. Поезд, тяжело вздохнув на прощание, потянулся дальше, оставляя за собой глухой перестук колёс. Вскоре он скрылся за поворотом, и вокруг снова воцарилась загородная тишина.

Максим остался один.

Он глубоко вдохнул морозный воздух. Пахло снегом, сырой древесиной и чем-то неуловимо знакомым — тем самым запахом зимы, который невозможно спутать ни с чем другим.

До деревни было около трёх километров. Можно было дождаться автобуса, но ходил он редко, да и ждать не хотелось. Максим закинул рюкзак на плечо и направился по дороге через открытое поле.

Снег лежал ровным белым покрывалом. По обе стороны дороги тянулись заснеженные поля, кое-где из-под снега торчали сухие стебли прошлогодней травы. Впереди постепенно вырастал знакомый силуэт деревни, расположившейся на склоне холма.

Он не был здесь почти шесть лет.

За это время многое изменилось. Максим вырос, закончил школу, поступил учиться, обзавёлся новыми знакомыми. Детские воспоминания постепенно отступили куда-то в глубину, уступая место повседневным заботам. Но стоило увидеть знакомую дорогу, и казалось, будто все эти годы просто куда-то исчезли.

Вот и поворот, за которым начиналась деревня. Вот первые дома, покосившиеся заборы и старые сараи. На некоторых крышах снега намело почти до самых краёв. Из труб поднимался лёгкий дымок.

Максим невольно улыбнулся.

Деревня выглядела меньше, чем он помнил. Или это он сам стал старше?

Улица постепенно поднималась вверх по склону. Дома стояли по обе стороны дороги, каждый со своим двором, калиткой и привычным набором хозяйственных построек. Где-то лаяла собака, за одним из заборов слышался стук топора. Возле ворот некоторых домов снег был присыпан серой золой.

Он вспомнил, как в детстве они с ребятами носились здесь на санках. Зимой улицы превращались в настоящие горки. Взрослые сыпали золу возле калиток, чтобы не скользить, а мальчишкам приходилось лавировать между серыми полосами, стараясь не потерять скорость. Иногда кто-нибудь не справлялся с управлением и влетал прямо в сугроб у чужого забора. Тогда смех стоял на всю улицу.

Максим остановился, оглянулся и посмотрел вниз, туда, откуда только что пришёл.

Всё было знакомым. И всё же немного чужим.

Наконец он свернул к дому бабушки.

Ещё издали заметил её у калитки. Она стояла, опираясь на деревянную стойку забора, закутавшись в старенькое пальто и тёплый платок. Невысокая, сухонькая, с согнутой годами спиной. Ветер трепал концы платка, но она, похоже, этого даже не замечала — всё поглядывала на дорогу.

Увидев внука, она оживилась и замахала рукой.

— Максимка! Ой, приехал-таки!

Он ускорил шаг.

— Бабуль!

Она торопливо открыла калитку, насколько позволяли непослушные пальцы, и шагнула ему навстречу.

— Дай обниму тебя, родной. Дай-ка...

Максим наклонился и крепко обнял её. Бабушка прижалась к нему, погладила по спине своей сухой ладонью, а потом отстранилась и принялась разглядывать.

— Ну надо же... Вырос-то как! Совсем мужик стал. А я всё гляжу на дорогу, гляжу. Думаю, не передумал ли мой внучек ехать.

— Да как же я передумал бы?

— Мало ли. У вас там, в городе, дела, учёба... Всё вам некогда. А я тут одна сижу, всё жду.

Она улыбнулась, но в глазах на мгновение промелькнула грусть.

— Ну, чего на морозе стоим? Пойдём в дом. Озяб небось, пока шёл. И рюкзак-то тяжёлый. Давай сюда, я подержу.

— Бабуль, ну какой из тебя носильщик?

— А ты не умничай. Я ещё не совсем старая, сама знаю, что мне по силам.

Максим засмеялся, подхватил рюкзак поудобнее и помог ей закрыть калитку.

В доме было тепло. Из кухни доносился запах свежей выпечки, а в печи потрескивали дрова. Максим снял куртку, поставил обувь у порога и прошёл на кухню.

Здесь почти всё осталось прежним. Тот же большой стол у стены, знакомые занавески на окне, старый буфет с посудой за стеклянными дверцами. На подоконнике стояли цветочные горшки, а возле печи лежала аккуратная стопка поленьев.

— Садись, садись, сынок. Сейчас я тебе всё выставлю. Ты, небось, с утра ничего толком не ел?

— Ел, бабуль. Перед поездом завтракал.

— Ой, да знаю я ваши завтраки. Чай да бутерброд какой-нибудь. Вот и ходите потом худые, как щепки.

Она достала из печи чугунок, поставила на стол тарелку с румяными пирожками, миску со сметаной и блюдце с вареньем.

— Вот, с картошечкой. Ещё горяченькие. А тут оладушки, я утром нажарила. Ты же их любил со сметанкой. Помнишь?

— Конечно помню.

— А то! Ты маленький был, так всё норовил со сковородки стащить. Я отвернусь, а ты уже возле печки крутишься. Обожжёшься, говорю, а тебе хоть бы что. Всё бы тебе горяченькое да побольше.

Максим улыбнулся. Он действительно помнил эти оладьи — мягкие, чуть подрумяненные по краям. Помнил, как бабушка ставила перед ним тарелку, поливала сметаной, а варенье наливала в маленькое блюдце, чтобы можно было макать.

— Ну, давай пробуй. Чего сидишь? И чаю налью.

Она поставила перед ним чашку и придвинула тарелку поближе.

Максим взял пирожок, разломил его пополам. От начинки шёл пар. Он обмакнул кусочек в сметану и откусил.

— М-м... Вкусно, бабуль.

— А то. Не магазинные тебе, — довольно сказала она. — Сама тесто ставила, сама и пекла. Пока ещё руки слушаются.

Она присела напротив, сложив ладони на столе, и смотрела, как он ест.

— Ну как ты там, Максимка? Учёба-то ладится?

— Нормально. Сессия скоро, готовлюсь.

— Не запускай, слышишь? Ученье — оно дело хорошее. Только и про себя не забывай. Спать надо, кушать надо. А то всё молодёжь нынче допоздна у телевизора сидит.

— Бабуль, у меня всё нормально.

— Да я не говорю, что ненормально. Я ж спрашиваю. Мне ж интересно, как ты там живёшь.

Она помолчала, потом спросила:

— Друзья у тебя есть? Хорошие?

— Есть, конечно.

— А девушка?

Максим поднял глаза.

— Опять ты за своё?

— А что такого? Неужто нельзя спросить? Возраст-то уже подходящий.

— Нет пока никакой девушки.

— Ну, смотри. А то учёба да учёба. Жизнь-то не только в книжках проходит.

Максим рассмеялся.

— Вот приеду в следующий раз — обязательно расскажу.

— Ты бы сначала в следующий раз приехал, — тихо ответила она. — А то всё обещаешь.

Он заметил, что бабушка сказала это без упрёка, скорее с какой-то усталой нежностью. Максим отложил пирожок и накрыл её ладонь своей.

— Буду приезжать. Правда.

— Ладно, ладно. Ешь давай, пока не остыло.

Она словно смутилась от его слов и тут же снова принялась хлопотать вокруг стола.

За чаем они долго разговаривали. Бабушка расспрашивала о городе, учёбе и родителях, рассказывала деревенские новости. Оказалось, что за последние годы многие уехали. Кто-то перебрался поближе к детям, кто-то продал дом, а кто-то уже давно не появлялся.

— Помнишь Колю, который через два дома жил? — спросила она. — Так он теперь в городе. Дом его пустует, того и гляди совсем развалится.

— Помню, конечно. Мы с ним всё время вместе бегали.

— А Петька? Который с вами на речку ходил?

— Давно не видел. Не знаю, где он теперь.

— Вот и я говорю. Разъехались все. Молодёжи почти не осталось. Летом ещё кто-нибудь приезжает, а зимой совсем тихо. Раньше-то, бывало, выйдешь на улицу — ребятня галдит, бегают, кричат. А теперь тишина. Только собаки иной раз залают.

Максим слушал и смотрел в окно. За стеклом медленно кружились редкие снежинки. На улице было светло, но солнце уже клонилось к западу, окрашивая снег мягким золотистым светом.

После обеда он помог бабушке убрать со стола.

— Оставь, Максимка, я сама управлюсь, — запротестовала она.

— Давай хоть посуду помою.

— Ну, коли охота, мой. Только не разбей чего. У меня посуда ещё от мамы осталась.

Он улыбнулся и принялся за дело. Бабушка стояла рядом, вытирала полотенцем чашки и время от времени поглядывала на него. Ей явно нравилось, что он снова здесь, что в доме слышны его шаги и голос.

Когда всё было убрано, Максим накинул куртку.

— Ты куда собрался? — спросила бабушка.

— Пройдусь немного. Хочу посмотреть, что тут изменилось.

— По деревне-то ходи, сколько хочешь. Только в лес не забредай. Слышишь? Зимой там и заблудиться недолго.

— Да я ненадолго. Просто пройдусь по старым местам.

— Ну смотри. И шапку надень, уши застудишь. А лыжи-то возьми, в сарае стоят. Ты же без них по снегу далеко не уйдёшь.

Максим посмотрел на неё с улыбкой.

— Помнишь ещё, как я на них ходил?

— А чего ж не помнить? Они там, в сарае, за старыми досками. Только гляди, не развались на них. Старенькие уже.

Он вышел во двор и направился к сараю. Внутри пахло сухим деревом, пылью и старыми вещами. За прислонёнными к стене досками действительно стояли лыжи — простые, деревянные, с потёртыми креплениями. Максим провёл ладонью по одной из них, смахнул пыль и вытащил обе.

— Нашёл? — крикнула бабушка из дома.

— Нашёл!

— Ну и ладно. Только смотри там, не задерживайся до темноты. День-то короткий.

— Хорошо!

Максим вернулся к крыльцу, поправил ремешок на лыжах и закинул их на плечо.

Бабушка стояла в дверях, кутаясь в свою кофту.

— Далеко не ходи, Максимка. И к озеру не вздумай один. Там снегу много, да и места скользкие.

— Не переживай, бабуль. Я знаю эти места.

— Знать-то знаешь... Только давно не был. Всё меняется.

Он улыбнулся и помахал ей рукой.

— Скоро вернусь.

Максим вышел за калитку и направился вверх по улице, к холму.

Морозный воздух приятно освежал лицо. Вокруг стояла тихая зимняя деревня: дым поднимался из труб, снег искрился на крышах, а где-то вдалеке коротко залаяла собака.

Впереди лежали знакомые места, по которым он когда-то бегал каждый день. И ему хотелось снова пройтись по ним — не торопясь, вспоминая то, что за долгие годы успело затеряться в памяти.

Глава вторая. Старые места

Улица плавно поднималась вверх. Максим шёл не спеша, придерживая лыжи рукой. Снег местами был укатан, местами лежал рыхлыми наносами, и приходилось выбирать, куда поставить ногу. По обеим сторонам тянулись знакомые дома. Некоторые выглядели почти так же, как в его детстве, другие заметно постарели: покосившиеся заборы, просевшие крыши, потемневшие от времени брёвна.

У одного двора он остановился.

Когда-то здесь жил дядя Миша, который держал корову и несколько овец. Летом животные часто паслись на холме, а мальчишки любили наблюдать, как они медленно перебираются с одного пригорка на другой. Иногда кто-нибудь из ребят изображал пастуха, размахивал палкой и громко покрикивал на воображаемое стадо. А неподалёку стоял старый дом Кузьмича. За ним росла груша, и мальчишки не раз пробирались туда за спелыми плодами. Кузьмич обычно замечал их слишком поздно, зато потом долго ворчал через забор.

Максим усмехнулся. Сколько же лет прошло...

Он поднялся выше, туда, где дома постепенно оставались позади, а улица выходила на открытое пространство. Здесь начиналось пастбище. Зимой оно превращалось в широкое белое поле с пологими пригорками и небольшими возвышенностями. Ветер свободно гулял по склону, сдувая снег с одних мест и намётывая его в других.

Летом здесь пасли скот, а зимой ребятня находила себе развлечения. С пригорков катались на санках, съезжали на лыжах, устраивали снежные баталии. Снежки летели через всё поле, ребята прятались за пригорками и пытались обойти друг друга с фланга. Иногда уходили подальше, к старой колее, по которой изредка проезжали телеги и тракторы.

Максим посмотрел в сторону лесопосадки. Молодые ели, которые в его детстве едва доставали ему до плеч, теперь заметно вытянулись и стали выше человека. Они росли ровными рядами, защищая склон от ветра и осыпания земли. За ними виднелись крыши деревни.

Он прошёл ещё немного и остановился на вершине холма. Отсюда открывался вид на окрестности: внизу лежала деревня, за ней тянулись поля, а дальше темнела полоса леса. Неподалёку, за небольшим смешанным леском, находилось кладбище.

В детстве они с ребятами старались обходить это место стороной. Не потому, что кто-то особенно боялся, просто кладбище казалось территорией взрослых. Там всегда было тихо, даже летом, когда вся деревня гудела от детских голосов. Лишь высокие деревья шумели кронами, да ветер шевелил траву между оградками.

Максим постоял ещё немного, разглядывая знакомые места. Потом повернул назад и направился вниз по соседней улице.

Эта улица была круче. Зимой по ней особенно хорошо катались на санках. Максим невольно вспомнил, как они с мальчишками спорили, у кого санки быстрее.

У всех были разные.

У кого-то — обычные магазинные, с алюминиевыми полозьями и деревянным сиденьем. У кого-то — тяжёлые самодельные, сваренные из металлических труб. Они были прочными, но на поворотах управлялись плохо, а если переворачивались, поднять их удавалось не сразу.

А у соседского Кольки были особенные санки. Вместо привычных полозьев к ним приделали настоящие лыжи. На вид конструкция казалась нелепой, зато ехала она замечательно. Коля страшно гордился своим приобретением и никому не давал на них кататься без разрешения.

— Вот ведь хитрый был, — пробормотал Максим, улыбнувшись.

Он вспомнил, как однажды Коля всё-таки дал ему прокатиться, но потребовал вернуть санки целыми и невредимыми. Максим тогда так разогнался, что едва не врезался в сугроб у ворот. Коля потом долго ругался, а остальные ребята смеялись до слёз.

Снег на улице был присыпан золой. В детстве это казалось обычным делом: взрослые каждое утро выносили её из печей и рассыпали возле калиток, чтобы не поскользнуться. Серые полосы пересекали белую дорогу, и мальчишкам приходилось объезжать их на санках. Иногда полозья цеплялись за неровности, и тогда весь экипаж летел в сторону.

Максим спускался всё ниже. Вскоре улица вывела его к низине, где находилась центральная часть деревни. Здесь стоял небольшой магазин, куда в детстве его часто посылали за хлебом или чем-нибудь ещё. Рядом находились старый клуб и другие деревенские постройки.

Магазин работал. За окном виднелись полки с товарами, а возле входа стояла пара саней. Максим задержался на мгновение, но заходить не стал. Он посмотрел на дорогу, ведущую за деревню, и перевёл взгляд на лес.

Основной лес начинался совсем неподалёку, немного в стороне от домов. В детстве они ходили туда постоянно — то за ягодами, то за грибами, то просто побегать и поиграть. Лес казался огромным, хотя до его края от деревни было рукой подать.

Максим поправил лыжи на плече и направился к околице.

За последними домами дорога постепенно терялась среди деревьев. Сначала попадались отдельные сосны, потом они становились всё выше и гуще. Между ними росли берёзы, осины и молодые ели. Снег лежал на ветках, а под ногами похрустывала настывшая корка.

Он надел лыжи и оттолкнулся палками.

Здесь было тихо. Деревенские звуки остались позади, и только изредка где-то в глубине леса раздавался треск сломанной ветки. Максим двигался по старой знакомой тропе, стараясь припомнить, куда она вела.

Вскоре показался небольшой овраг.

Он почти не изменился. Склоны заросли кустарником, а на дне темнели стволы поваленных деревьев. Летом здесь было особенно весело: мальчишки скатывались вниз по траве, цепляясь за кусты, а потом карабкались обратно, споря, кто быстрее доберётся наверх.

На противоположной стороне когда-то стоял небольшой шалаш, который они соорудили из веток и старых досок. Называли его штабом. Внутри хранились какие-то совершенно бесполезные сокровища: ржавый нож, пустые коробки, несколько стеклянных шариков и найденный кем-то медный значок.

Шалаш давно исчез. От него не осталось даже следов.

Максим остановился, оглядел место и пошёл дальше.

Чуть глубже в лесу они с ребятами однажды построили домик на дереве. Дерево было не очень высоким, но ветви позволяли устроить между ними подобие площадки. Поднимались туда по прибитым к стволу дощечкам. Домик считался секретным местом, хотя о нём знала, кажется, вся деревня.

Взрослые ругались, запрещали туда лазить, но это мало помогало. Стоило им отвернуться, как мальчишки снова забирались наверх.

Максим невольно посмотрел на деревья вокруг, пытаясь найти то самое. Вроде бы оно должно было быть где-то неподалёку. Но лес за эти годы изменился, деревья подросли, некоторые упали, и знакомые ориентиры уже не так легко угадывались.

Он продолжал двигаться, время от времени останавливаясь и прислушиваясь к собственным воспоминаниям.

В этих местах они проводили целые дни. Летом собирали землянику на солнечных полянах, искали костянику среди кустов, а ближе к осени ходили с бабушкой за грибами. Она знала грибные места и всегда находила то, мимо чего мальчишки пробегали, не замечая.

— Гляди под ноги, Максимка, — вспоминал он её голос. — Не всё же тебе по верхам смотреть. Вон, под ёлочкой глянь.

И действительно, стоило присмотреться, как под опавшей хвоей обнаруживалась шляпка гриба.

Бабушка никогда не торопилась. Она могла долго стоять возле одного места, раздвигать траву тонкой палочкой и внимательно осматривать землю. Максим в детстве не понимал, как ей хватает терпения. Ему хотелось скорее набрать полную корзину и бежать дальше.

Теперь он улыбнулся этой мысли.

Лес постепенно становился гуще. Сосны стояли высоко, их стволы уходили вверх, теряясь в переплетении ветвей. Между ними попадались небольшие поляны, заросшие кустарником, а кое-где виднелись старые пни и поваленные деревья.

Максим ехал по лыжне, которую, вероятно, оставил кто-то из местных. Следы были неглубокими и местами уже заметёнными снегом. Он не придал этому значения.

Впереди, за деревьями, находилось озеро.

В детстве они ходили туда купаться, несмотря на все запреты взрослых. Озеро было небольшим, но достаточно глубоким. Берег местами зарос камышом, однако с одной стороны имелся удобный подход к воде. Там они и проводили летние дни: плавали, ныряли, ловили мелкую рыбёшку, а иногда просто лежали на прогретой солнцем траве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.